

ческомъ безпорядкѣ; вверху тянутся затѣйливые по очертаніямъ карнизы, внизу и по бокамъ отвѣсныя кручи съ массою трещинъ. Слѣдуя здѣсь раннимъ утромъ, когда небосклонъ уже рдѣетъ розовато-золотистой зарей, а звѣзды еще продолжаютъ мерцать, и когда въ то же время тѣневья стороны очень мрачны — фигурныя скалы и ихъ выступы представляются наблюдателю фантастическими зданіями: тутъ и замки, и башни, и балконы, и гигантскія лѣстницы со всевозможными статуями, до человѣческихъ фигуръ включительно. Въ пустынѣ атмосфера, какъ уже говорено выше, поражаетъ своею прозрачностью, а зори—красками.

Слабо выраженный переваль Тыпсэгинъ-дабанъ поднимается надъ моремъ на 6.810 футовъ.

Съ южной окраины Цзолин'а открывается видъ на другую, лежащую впереди широкую долину, а также на расположенныя отъ запада къ востоку горы Нойонъ-богдо, Сэвэрэ, Дэнгъ, который сложенъ изъ туфа, порфира и сланца, и Цзурумтай. Мы прошли между двумя послѣдними, за которыми горная область временно прекращается. Къ югу пустыня уходитъ въ необозримую даль однообразной равниной, покрытой щебнемъ и галькой кварца, халцедона, агата, яшмы; во многихъ мѣстахъ, кромѣ того, замѣтны обнаженія лёссовиднаго суглинка, а немного повыше гобійскихъ песчаника, глины и конгломератовъ, а также известняка и известковыхъ натековъ. На этой равнинѣ лишь изрѣдка виднѣются или плоскій уваль сыпучаго песка или крутой гребень того же щебня и галечника. Томительно однообразны переходы въ этой мѣстности. Животной жизни почти нѣтъ: украдкой пробѣжить боро-цзере или испуганно вскочить и стрѣлою пронесется заяцъ до первой заросли саксаула, гдѣ тотчасъ же и скроется отъ взора. Въ подобной удручающей обстановкѣ мы радовались даже старому слѣду, оставленному телѣгой нѣкоего ламы, проѣхавшаго изъ Алаша-ямын'я въ Да-куре.

Почти въ серединѣ равнинной пустыни, при урочищѣ Боро-обо, мы были привѣтливо встрѣчены дряхлыми ламами, рѣдко покидающими расположенную тутъ свою пустыньку. Отъ этихъ старцевъ я съ большимъ вниманіемъ выслушалъ рассказы о впереди лежащей дорогѣ. „Она еще бѣднѣе, нежели та, по которой вы проѣхали, говорили мнѣ ламы; отсюда, кромѣ верблюдовъ, другихъ животныхъ не встрѣтите“. Здѣсь-же, при колодцѣ того же названія, на сухомъ каменистомъ руслѣ, окаймленномъ высокими ильмами, мнѣ удалось опредѣлить географическую широту.